

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 323/1 (470/6)(477/75)''1920''

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1920-Х ГГ. В АВТОНОМИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ¹

А. В. БАРАНОВ

Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

Актуальность темы вызвана широким распространением мифов о сущности, задачах и средствах этнополитики Советского государства в Северо-Кавказском крае в 1920–1929 гг. Мифы целенаправленно создаются, а затем воспроизводятся в учебной и популярной литературе, в символической политике (при праздновании юбилеев автономий), в аргументах обоснования современного статуса республик Северного Кавказа. Мифы о национальной политике 1920-х гг. необходимо подвергнуть критическому анализу, что внесёт вклад в оздоровление межэтнических отношений в регионе.

Цель работы – аргументировать критику существующих мифов о национальной политике 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае.

Тематика критики националистических мифов в исторических исследованиях активно изучается В. А. Тишковым в общетеоретическом ракурсе [1, с. 58–67]. На материалах Северного Кавказа тему анализируют В. А. Шнирельман [2], Т. П. Хлынина и Е. Ф. Кринко [9, с. 41–161]. Проблематика националистических мифов об истории активно обсуждается на форумах историков-кавказоведов, вызывая противоречивые оценки [7, с. 20–30]. Но мифы о советской национальной политике 1920-х гг. в автономиях Северного Кавказа ещё не стали предметом специального изучения.

Мифы о национальной политике СССР 1920-х гг. укоренены в примордиальных представлениях о тождественности категорий «народ» и «нация», о необходимости наличия у каждого крупного народа своей государственности в виде «национальной» автономии, субъекта федерации, о необходимости преимуществ для «коренных» народов в занятии высокостатусных позиций. Но в полиэтничном регионе Северного Кавказа история носит «совместный», перекрестный характер, а многочисленные народы являются компонентами единой общественной системы. Попытки разделить народы на «коренных» и «пришлых», «титულных» и «нетитулных» создают ситуацию неравноправия, провоцируют взаимные претензии историков различной этничности. Такие действия ведут к межэтническим конфликтам.

¹Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Эти мифы воспроизводят идеологемы советской национальной политики 1920 – начала 1930-х гг.: антиимперскость, позитивную дискриминацию «имперских» народов (русских и др.), этнизацию и децентрализованность федеративных структур – то, что Т. Мартин назвал «империей положительного действия» [6, с. 15–18]. Второе рождение апология самоопределения народов получила в литературе конца 1980 – 1990-х гг., подчеркивавшей негативные стороны советской этнополитики [1]. Мифы выражают интересы окрепших и осознавших свои интересы этнизированных элит Северного Кавказа, использующих институты и нормы федерализма для повышения своего статуса [11]. Окрепло этноцентристское понимание истории Северного Кавказа, сложилась «национальная историография», конкурирующая с академической наукой. Противоположная тенденция, которая бы осмысливала национальную политику на Северном Кавказе 1920-х гг. с позиций укрепления государственного единства, стала формироваться позже, только к концу 2000-х гг. [4; 9, с. 41–161].

Другой аспект – споры о предпочтительности общей полиэтничной автономии народов (Горская АССР в 1921–1924 гг.) или отдельных моноэтнических автономий на Северном Кавказе. Кроме стремления возвысить символически именно свой регион, эти споры неисторично переносят современные реалии на прошлое. Например, в 1920-х гг. ещё не сформировались единые этнические группы аварцев, даргинцев, карачаевцев и других народов в том виде, как мы их сейчас наблюдаем. Существовала сложная мозаика народов, субэтнических групп и племён, языков и диалектов, сословий традиционного общества. Проект «самоопределения народов», выдвинутый правящей Коммунистической партией, конструировал из этой мозаики более современные этнические группы, что ярко проявилось в контрастах между списками народов в переписях 1926 г. и 1939 г. Как справедливо отмечал Э. Ф. Кисриев, «современные дагестанские национальности складывались «сверху», опережая национальное самосознание, как результат принимаемых органами власти решений по установлению «научно обоснованной» номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и в паспортах» [5, с. 15–16]. Национальное строительство должно было, по замыслу большевиков, ослабить влияние исламской религии, как и других религий. Эти же функции выполнял перевод народов Северного Кавказа сначала с арабской письменности на латиницу, а затем – на кириллицу, призванный обесценить дореволюционную культурную традицию. «Самоопределение народов» в 1920-х гг. выполняло задачи социалистического строительства, как их понимала РКП(б).

Спор о предпочтительности крупных полиэтничных автономий (Дагестанская и Горская АССР) или их разделении схоластичен, поскольку оба варианта территориального устройства решали в условиях 1920-х гг. задачи укрепления местной партийно-государственной власти, увеличения слоя кадров управления из числа местных народов. В 1920-х гг. сотни народов Северного Кавказа имели неравный уровень социально-экономического и культурного развития,

в частности, уровень урбанизации, занятости в промышленности, грамотности. Первоначально члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) – высшего регионального органа власти исходили из необходимости создать сильные административные единицы с пролетарским ядром. Этим же диктовалась передача Горской АССР г. Грозного и Владикавказа, где доминировало русское население. Но внутри Горской АССР началась бесконечная борьба этнических группировок внутри партийно-государственного аппарата, а качество управления оставалось низким. Между Карачаем, Кабардой, Балкарией, Осетией, Ингушетией и Чечнёй шла борьба за землю, финансовые ресурсы, распределение должностей. Многие партийные и советские активисты зависели от кланово-родовых отношений. Проявлялся политический бандитизм под исламистскими лозунгами. Небезобидно мифотворчество о повстанческих выступлениях 1920-х гг. под религиозными и националистическими лозунгами, идеализирующее спорных исторических деятелей – имама Н. Гоцинского, шейха А. Митаева, участников мятежей против коллективизации [2, с. 7–21; 3].

В итоге Горская АССР просуществовала в первоначальных границах только год. Уже в 1922 г. от неё отделилась Кабардино-Балкарская автономная область. Это сделало неизбежным отделение и Карачаево-Черкесии. Состояние партийного и государственного управления оставшейся частью территории Горской АССР было весьма неэффективным, что подтверждается оценками со стороны Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и его руководителей – А. И. Микояна, К. Е. Ворошилова. Именно эти факторы, а не этнические предпочтения привели к ликвидации Горской АССР летом 1924 г.

Проведённое с лета 1924 г. по 1929 г. разукрупнённое территориальное устройство региона означало соподчинение автономных областей Северо-Кавказскому краю с административным центром в г. Ростове-на-Дону. Только Дагестанская АССР сохранила прямое соподчинение РСФСР. Границы автономий были приведены в относительное соответствие с этническими ареалами. Были созданы Владикавказский, Грозненский и Сунженский округа, где количественно доминировало русское население. Внутри автономных областей (Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечни) образованы русские районы. Тем самым модель приведения административных границ и статусов автономных образований в соответствие с этническими ареалами и ресурсами влияния этнических групп работала на Северном Кавказе в 1920-х гг. противоречиво. Она могла использоваться как для повышения влияния этнических автономий (1920 г. – лето 1924 г., с 1928 г.), так и для ограничения их влияния (лето 1924 г. – 1928 г.). Реальным актором, принимавшим решения и определявшим их направленность, была в этот период полиэтничная номенклатура РКП(б). Поэтому предположения об обретённом в 1920-х гг. «суверенитете» автономий Северного Кавказа лишены исторических оснований. Причинами формирования мифов в историографии о национальной политике 1920-х гг. на Северном Кавказе являются стереотипы примордиализма, этноцентризма и «присвоения»

совместной истории в пользу элит «коренных» народов. Примордиальное восприятие этничности провоцирует территориальные конфликты с использованием исторических аргументов. Миф о государственности «коренных народов» и «самоопределении наций» на Северном Кавказе 1920-х гг. не подтверждается фактами. Формирование автономий на Северном Кавказе в 1920-х гг. диктовалось мотивами интеграции полиэтничного Советского государства, а не намерением повысить статус автономий. Выбор форм автономий диктовался интересами центральной власти, а не партикуляризмом отдельных субъектов федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гакаев, Ж. Ж.** Очерки политической истории Чечни (XX век) / Ж. Ж. Гакаев. – Москва, 1997.
2. **Дзуев, Г. К.** Кровавое лето 1928-го / Г. К. Дзуев. – Нальчик, 1997.
3. **Доного, Х.-М. М.** Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: дис. ... д-ра ист. наук / Х.-М. М. Доного. – Москва, 2008.
4. **Карпов, Ю. Ю.** Региональное пространство как поле этнополитической конкуренции. Северный Кавказ в XX веке [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Карпов. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/31944651-Yu-yu-karpov-regionalnoe-prostranstvo-kak-pole-etnopoliticheskoy-konkurencii-severnoy-kavkaz-v-xx-veke.html>.
5. **Кисриев, Э. Ф.** Национальности и политический процесс в Дагестане / Э. Ф. Кисриев. – Махачкала, 1998.
6. **Мартин, Т.** Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – Москва, 2011.
7. Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы VIII Международ. форума историков-кавказоведов, Пятигорск, 14–15 окт. 2021 г. – Ростов-на-Дону, 2021.
8. **Тишков, В. А.** Понимание нациестроительства в России в мировом контексте / В. А. Тишков // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 58–67.
9. **Хлынина, Т. П.** История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе / Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко. – Ростов-на-Дону, 2014.
10. **Шнирельман, В. А.** Аланы между наукой и этноцентризмом: «войны памяти» и их подоплека [Электронный ресурс] / В. А. Шнирельман // История. – 2021. – Т. 12, № 10 (108). – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840017040-3-1/>.
11. **Bodio, T.** Elity Kaukazu Północnego: badania i wyzwania / T. Bodio // Kaukaz Północny: elity, reżimy, etnopolityka, bezpieczeństwo. – Warszawa, 2014. – P. 19–44.